

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА»: МУЖЧИНА

Стефания Сандрелли,
Дельфиня Зенгу
и Трентиньян

Внешне Трентиньян не похож на мэтра кино. Однако скоро он отпразднует свое сорокалетие в кинематографе, где занимает уникальное, только ему принадлежащее место. Встреча с ним состоялась в Каннах. Актер любезно согласился ответить на вопросы корреспондента.

Вопрос. Ваше первая настоящая роль в кино — у Кристиан-Жака «Если парни всей земли» в 1955...

Жан-Луи Трентиньян. Я начал в 20 лет в театре, сыграл в доброй дюжине пьес, после курса у Доллена. Преподавателями были Жерар Филипп и Жан Вилор. В кино я начал в 25 лет, в массовке до Кристиан-Жака. Но вначале мне хотелось стать режиссером-постановщиком в кино. И потому я поехал в Париж, учиться в IDHEC (Институт кинематографии), я был на том же курсе, что и Алан Ковалье, и Луи Маль. Но я не остался там надолго, мне не удалось делать все одновременно, знаете, я достаточно медлителен... И я сказал себе: «Займусь режиссурой, когда стану знаменитым актером»...

В. Каким первым фильмом в вашей карьере вы гордитесь?

Ж.-Л.Т. «Поединок на острове» Ковалье. Рапидно написал сценарий вместе с Ковалье, а Маль был продюсером. В то время нам всем было по 30 лет. Была конкуренция. Посмотрите на мое поколение артистов, почти все играют, держатся до сих пор: Бельмондо, Терзиев, Бриали, Блэн, Мариель, Рошфор, чуть-чуть позже Делон. Мы были поколением после Жерара Филиппа, который был на 12 лет старше нас. И еще между нашими поколениями был Морис Роне.

В. Вы снимались с Жераром Филиппом?

Ж.-Л.Т. Да. Но прежде я в театре играл с ним. У меня было много маленьких ролей в ТНП (Национальном народном театре), когда я еще учился у Доллена. Я играл в «Сиде», в «Лорензачо», «Ричорде Ш». В то время я презирал кинематограф, считая, что достойное место для актера — это подмостки. Однажды, когда я играл в пьесе Осейна «Ответственные», ко мне пришел Андре Бернхейм, крупный в свое время импрессио, и сказал: «У вас есть долги?». А у меня они были. И он мне дал фиксированную зарплату. Он отправил меня на пробы, а я их все провалил. Оставалось пробоваться во всех фильмах, где был нужен молодой актер. В какой-то момент Бернхейм мне сказал: «Или вам это удастся, или я останавливаю». И мне удалось, я выиграл. Но, если возвращаться к Жерару Филиппу... Я познакомился с ним благодаря Раже Вадиму, который протянул мне руку после службы в армии, дал мне маленькую роль в «Опасных связях».

В. Жерар Филипп был для вас авторитет?

Ж.-Л.Т. Да. Он был великопелен в театре. Пробовал что-то новое каждый вечер. Однажды, играя в «Сиде», он лег на спину, чтобы произнести знаменитую фразу: «Подойди ко мне, это стадо, это армия движется». Это было необычно, это было смело. Сегодня, когда слушаешь записи, — все звучит плохо. Он говорит фальшиво, поет. Это очень театральное. Да, в свое время, он был для меня авторитетом. Так же, как Мишель Буке. Технически, он был невероятен. Или Мишель Симон. Я с ним снимался в «Аустерлице». Помню, снимали в студии в Загребе. Повсюду были дымовые приборы. Все было фальшивое, все врание, а Мишель Симон был совершенно дистанцирован от всего этого. Он нес чуть-чуть все время до момента, когда его начинали снимать. И тогда, сразу — такая мощь! Я задавал ему столько вопросов о Жане Виго (он снимался в его «Атланте»), о Луисе Жуве. Он любил Виго, но ненавидел Жуве: «Актер, у которого таланта меньше, чем у меня, платили больше»...

В. Первые большие съемки для вас — это «И бог создал женщину» или «Мужчина и женщина»?

Ж.-Л.Т. «И бог создал женщину» — это имело огромное значение для Бриджит, а не для меня. Для меня же все изменилось, начиная с фильма Лелуша. Я очень люблю эти съемки, очень веселые, очень интересные. Кино кинолюбителя. Я дружил с Пьером Бару, который знал Лелуша и говорил мне: «Он необыкновенный». И это так, Лелуш в этот период был потрясенной. Вместе с ним мы делали трюки, разные приспособления. Приятельский кинематограф. Потом он стал более корыстным, алчным. Более продюсером, чем режиссером. Я его не видел двенадцать или пятнадцать лет. Он очень изменился. Конечно, как прежде он искренен. Но под конец он мне совсем разозлился. Да и потом вся эта история с фильмом «Мужчина и женщина», двадцать лет спустя? Этот трюк был уж совсем несчастным.

В. Но все же есть эта прекрасная сцена узнавания с Ануэ Эме...

Ж.-Л.Т. Это лучше из того, что было. У него уже не было того доверия к нам, он придумал всякие трюки современные... Он, должно быть, сказал себе: «Две старых курицы — этого недостаточно для фильма. Надо добавить еще соуса».

В. Вернемся к «Мужчине и женщине». Это был ваш первый Каннский фестиваль...

Ж.-Л.Т. Да. Он был великопелен в театре. Пробовал что-то новое каждый вечер. Однажды, играя в «Сиде», он лег на спину, чтобы произнести знаменитую фразу: «Подойди ко мне, это стадо, это армия движется». Это было необычно, это было смело. Сегодня, когда слушаешь записи, — все звучит плохо. Он говорит фальшиво, поет. Это очень театральное. Да, в свое время, он был для меня авторитетом. Так же, как Мишель Буке. Технически, он был невероятен. Или Мишель Симон. Я с ним снимался в «Аустерлице». Помню, снимали в студии в Загребе. Повсюду были дымовые приборы. Все было фальшивое, все врание, а Мишель Симон был совершенно дистанцирован от всего этого. Он нес чуть-чуть все время до момента, когда его начинали снимать. И тогда, сразу — такая мощь! Я задавал ему столько вопросов о Жане Виго (он снимался в его «Атланте»), о Луисе Жуве. Он любил Виго, но ненавидел Жуве: «Актер, у которого таланта меньше, чем у меня, платили больше»...

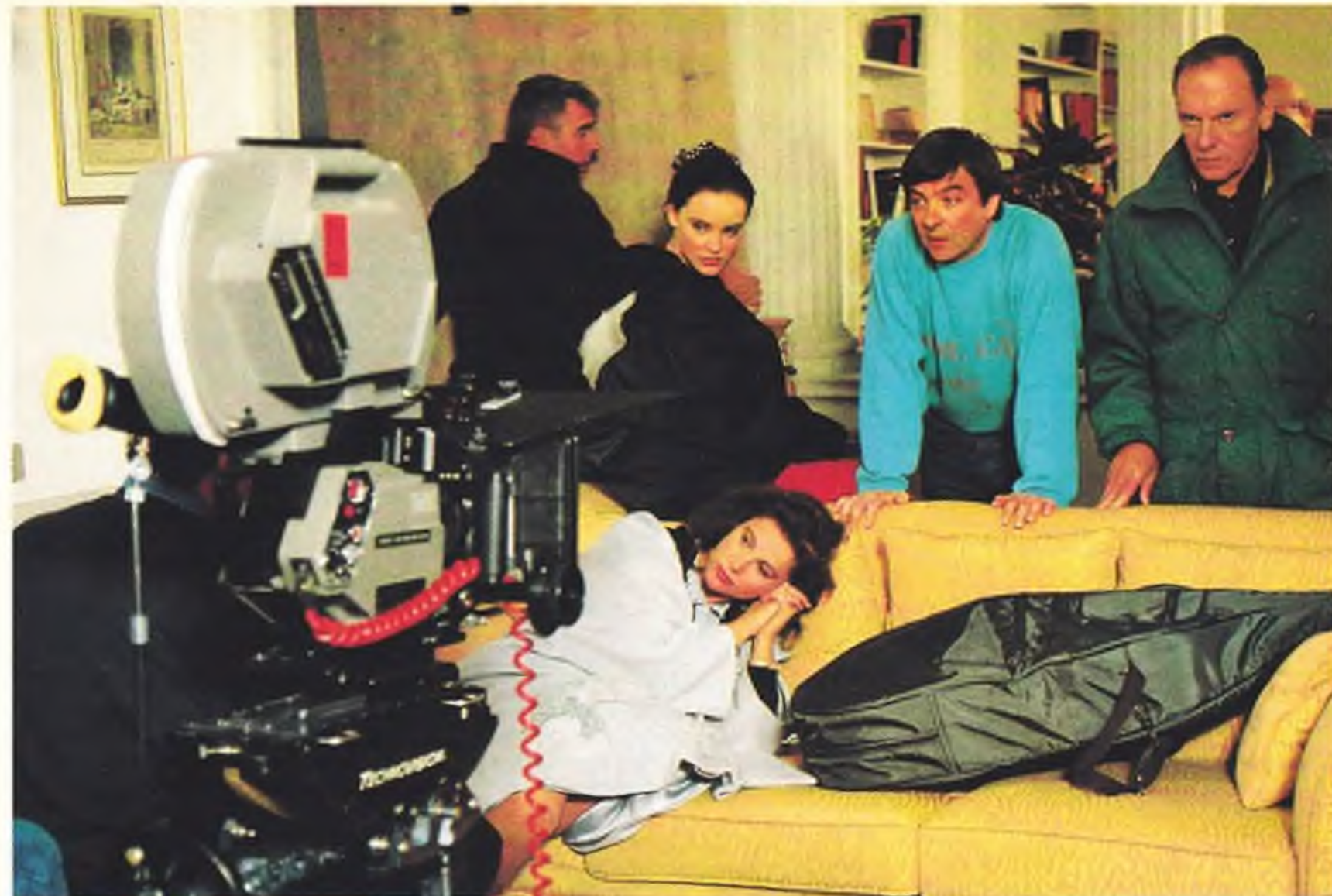
В. Первые большие съемки для вас — это «И бог создал женщину» или «Мужчина и женщина»?

Ж.-Л.Т. «И бог создал женщину» — это имело огромное значение для Бриджит, а не для меня. Для меня же все изменилось, начиная с фильма Лелуша. Я очень люблю эти съемки, очень веселые, очень интересные. Кино кинолюбителя. Я дружил с Пьером Бару, который знал Лелуша и говорил мне: «Он необыкновенный». И это так, Лелуш в этот период был потрясенной. Вместе с ним мы делали трюки, разные приспособления. Приятельский кинематограф. Потом он стал более корыстным, алчным. Более продюсером, чем режиссером. Я его не видел двенадцать или пятнадцать лет. Он очень изменился. Конечно, как прежде он искренен. Но под конец он мне совсем разозлился. Да и потом вся эта история с фильмом «Мужчина и женщина», двадцать лет спустя? Этот трюк был уж совсем несчастным.

В. Но все же есть эта прекрасная сцена узнавания с Ануэ Эме...

Ж.-Л.Т. Это лучше из того, что было. У него уже не было того доверия к нам, он придумал всякие трюки современные... Он, должно быть, сказал себе: «Две старых курицы — этого недостаточно для фильма. Надо добавить еще соуса».

В. Вернемся к «Мужчине и женщине». Это был ваш первый Каннский фестиваль...

Ж.-Л.Т. Думаю, да. Мне не так уж это все нравилось. Я зостенчив. И потом, фестиваль — вовсе не манифестация симпатий. Это конкуренция. Это совсем не дружелюбно, совсем не приятно. Я вернулся туда с фильмом «Моя любовь, моя любовь», это был первый фильм Надин (Надин Трентиньян, в тот период жена Жана-Луи). Я помню, что при отборе французских фильмов соперничали фильм Надин и «Старый человек и дитя» Клода Берри. Берри считал это несправедливым и все это представил как интригу. Фильм прибыл на фестиваль, опережаемый плохой репутацией. Всем было стыдно и неловко. Надин говорила искренне, что фильм Берри более достоин быть на фестивале.

В. Какие воспоминания вы сохранили от «Анжелики»?

Ж.-Л.Т. У меня были денежные затруднения. Мне предложили большие деньги за небольшую работу. Вот и все. Ах да! У меня была одна очень мучительная сцена с Мишель Мерсье. Постельная. Я всегда ненавижу постельные сцены. Я прихожу на съемочную площадку. Мишель Мерсье была уже звездой, а я мало известен. Продюсер представляет нас: «Вы знакомы с Мишель Мерсье?». «Здоровствуйте, мадам». После этого мы залезаем голыми в постель и разыгрываем любовников. Это омерзительно. Теперь я старый и меня не заставят делать подобное, чему я очень рад.

В. У вас значительная часть карьеры связана с итальянцами. Каковы ваши воспоминания?

Ж.-Л.Т. У меня очень приятные воспоминания о «Большом молчании» Серджио Корбуччи. Это очень смешной тип, который сделал вестерн и пеплум с Леоне. В то время итальянские вестерны шли очень бодро. Ну, я и сказал одному знакомому продюсеру: «Если хочешь, сделаем вестерн». Но мне не нравилось, что во всех итальянских вестернах очень много говорят. И я сыграл роль немого, которому отрезали язык. Снимали на лыжной станции в Картино д'Ампелло, и лыжники без конца сносили через площадку. Преимущество было в том, что когда падаешь с лошади, то в снег. Это была целая эпопея. Корбуччи никогда не ходил смотреть погони. Он говорил: «Это достаточно уютно снимать, если же это еще надо ходить смотреть»...

В. Потом был «Конформист» Бертолуччи, затем «Терраса» и «Ночь Воробья» Этторе Скола...

Ж.-Л.Т. Скола — это друг. Фильм «Терраса» не был хорошо принят. Однако это очень красивый фильм, который меня очень тронул. Скола говорил мне: «Я хочу, чтобы ты был во всех моих фильмах». Я должен был сниматься в «Семье», но в последний момент сломал ногу. Я знал Сколу со времен «Санфарона» Ризи, он там был сценаристом. Очоровательный, смешной, симпатичный тип. Я и Бертолуччи любил. Он нашел меня для «Конформиста». Это было в

— Я никогда не думал о том, какое место займет фильм в моем творчестве, — заявил как-то Жан-Луи Трентиньян. — Понятия карьеры мне совершенно чуждо. Нередко я совершаю «глупость»: отказываюсь от выгодных предложений ради какого-нибудь опыта с молодым режиссером.

1969. Я помню это, потому что одна из реплик фильма была отрезана. Некий тип спрашивал: «Шестидесять девять, о чем вы сразу думаете?» А другой, немного смущаясь, отвечал: «Это год после мая 68...»

В. Вы снимались с Монтаном в двух фильмах Коста-Говарса: «Дзета» и «Убийственное отделение» («Осадное положение»)?

Ж.-Л.Т. В «Дзета» я снялся из дружбы, не очень зная, что я буду делать. Я должен был играть роль Жака Перрена, фотографа. Но из-за неудобных сроков сыграл другую роль: маленького судьи. Эта роль оказалась благодатной, о чем я в тот момент не знал, — я получил за нее приз в Каннах. Узнал об этом случайно по телевизору, меня не предупредили.

В. Десять лет спустя после начала Новой волны вы снимались у Шаброля, затем у Ромера в нашумевшем фильме «Моя ночь у Мод».

Ж.-Л.Т. «Моя ночь у Мод» — один из лучших фильмов, где я играл. Я не хотел участвовать в этом фильме, потому что религиозные проблемы меня не заводят, на Ромере налил его для меня и настаивал на моем участии в нем в течение двух лет. В конце концов я согласился и даже стал сопродюсером вместе с Варбе Шредером, Жераром Лобовичи, Франсуа Трюффо. В сумме нас было шестеро, каждый дал по 100 тысяч франков. Снимали за четыре или пять недель, с очень малым количеством пленки. Фильм обошел весь мир. Американские университеты обожают такого рода фильмы. И сейчас, через 25 лет, я получаю чеки. На я много говорю о деньгах. Нет? Я немного алчный. Ромер был холодный человек, очень любопытный. Во время съемок он мне дал сценарий «Колона Клер». Про

ЗВЁЗДЫ ГОВОРЯТ

ЕГО ГЕРОИ БЫЛИ ДЛЯ ТАЛАНТЛИВОГО АКТЁРА КАРНАВАЛЬНЫМИ МАСКАМИ. НЕ БОЛЬШЕ.

читов, я сказал, что хотел бы сняться в этом фильме. А он мне ответил: «Нет, я не делаю двух фильмов с одним актером». Потом оказалось, делает. Но я все равно его люблю, он очень деликатный...

В. Немного о сотрудничестве с Трюффо. 20 лет ваши пути в кино шли параллельно, а пересеклись лишь на его последнем фильме. Почему так поздно?

Ж.-Л.Т. Как-то я встретил его на фестивале и очень претенциозно сказал, что не понимаю, почему он меня никогда не ангажирует. Через некоторое время встречи он мне сказал о проекте «Скорее бы воскресение» и предупредил, что это не какая-то из ряда вон выходящая роль, а просто возможность поработать вместе. Я был доволен. Вместо того, чтобы монтировать сцены, где Фанни и я — голова к голове, он сказал, что мы должны сами искать камеру и поворачиваться. Нам предоставлялась инициатива обеспечения плана и контрплана. Это воспитательно. Это подлинная свобода актера.

В. Вы сделали два фильма: «Плотный день» и «Учитель по плаванию». Почему вы недовольны этими опытами?

Ж.-Л.Т. Я провалил их, тогда как мог выиграть. Возможно из-за недостаточного доверия к себе как режиссеру. Актером быть легче. Второй фильм должен был уже начаться, когда я отказался от съемок. В нем должно было играть моя дочь.

В. Вы занимаетесь карьерой своей дочери?

Ж.-Л.Т. Вовсе нет. Я ее обожаю. Она играет в театре. С каждым разом все лучше. Нет, серьезно. Мне нравится ее понимание ремесла, очень чистое, без всякой примеси карьеризма.

В. Создается впечатление, что вы не принадлежите ни к какому плану в вашей профессии. Вы одинокий актер?

Ж.-Л.Т. Я неверен в дружбе, я немного бабочка. Но это связано с ремеслом, профессией: очень интенсивные отношения с людьми, а затем ты их не видишь. И слова Аппаху. Я очень был дружен с Катрин Денев, но ее жизнь актрисы-звезды... Умная женщина, большая актриса, но немного зануда.

В. А вы сами не были занудой никогда?

Ж.-Л.Т. Много раз останавливался в себе это. Занудой становился от усталости. Нам, актерам, прощают все наши капризы, но от этого постепенно становился невыносимым. Если бы я был женщиной, то не стал бы актрисой. Когда Катрин была начинающей актрисой, она страдала, это было унижительно. Потом, став звездой, она должна была об этом помнить. Она остерегается, она себя охраняет... Я нахожу звезд невыносимыми, их поведение меня раздражает, но я их понимаю. Это ремесло очень жестоко по отношению к женщинам.

В. Поговорим о «Красном», фильме в котором вы разделили ведущие роли с Ирэн Жакоб. Она, я надеюсь, не зануда?

Ж.-Л.Т. Она одно из тех редких исключений, которые встречаются в нашем деле. Она, Бирни, Фанни Ардан — их я очень люблю.

В. А Кесьлевский?

«Спасибо, жизнь»

«Под огнём»

Ж.-Л.Т. Он педант. Но... Если вы не делаете совершенно точно то, что он вас просит, то он спрашивает с себя. Это значит, что то что он вам предложил, очень сложно, что это нельзя сделать. Это то, что не сделать с ходу. Он вовсе не тип режиссер-террориста. Кесьлевский самый впечатляющий, запоминающийся режиссер, которого я встречал. Танкий психолог, он не говорит о психологии, а намекает на то, о чем никто вокруг не подумал. Я сам медлителен, он ускоряет меня. И потом в технических вопросах, в деталях он необычайно тщателен. Я должен был налить воды в чайник на земле. Это было сердцевиной более сложной сцены. Не сосчитать, сколько раз мы переделали этот план. Но на следующий день начали снова, потому что ночью он размышлял. Все это кажется чепухой, но когда смотришь фильм, понимаешь, насколько это важно. Я играю старого желчного типа, который открывается благодаря духовной

красоте молодой женщины. Ничего сексуального. Этот тип полон злости и горечи, и он начинает искать в себе хорошее. История искупления, а?

В. Вы чувствуете возраст?

Ж.-Л.Т. Да. Это одно из причин, по которой я хочу растратить энергию, оставшуюся у меня. Думаю, что амбициозным я никогда не был. Но надо продолжать работать. Делать все, но что способен, а остальное нам не принадлежит. Может быть сегодня публика ждет меня несколько меньше, чем раньше, но меня хотят и это основное.

По материалам
парижского корпункта
«Видео-Асс»